

С ФЕЯМИ ШУТКИ ПЛОХИ

ЧУДОВИЩА ИЗ НОРВУДА

Колдовские *Миры*
КИРЫ ИЗМАЙЛОВОЙ

КИРА ИЗМАЙЛОВА

С ФЕЯМИ
ШУТКИ ПЛОХИ

Москва

2017

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
ИЗ7

Разработка серийного оформления
А. Саукова

Иллюстрация на переплете *Е. Соловьева*

Измайлова, Кира Алиевна.
ИЗ7 С феями шутки плохи / Кира Измайлова. — Москва : Издательство «Э», 2017. — 384 с. — (Колдовские миры Киры Измайловой).

ISBN 978-5-699-95369-1

Жила-была девушка с теткой и ее дочерью. Прислужой в собственном доме. И не было у нее феи-крестной, которая пообещала бы ей бал и настоящего принца... Однако фея явилась, когда в ее игре с принцем девушка по имени Маргрит понадобилась на главную роль. Кто ж спорит, участвовать в играх фей — дело опасное, особенно если в какой-то момент решишь играть по своим правилам. Вот и Маргрит как чувствовала, что ничем хорошим эта затея не обернется, но и предположить не могла, сколько судеб она изменит, сколько дорог придется испотпать и чем заплатить за свое счастье...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-95369-1

© Измайлова К.А., 2017
© Оформление.
ООО «Издательство «Э», 2017

Глава 1

— Натаскаешь воды — сбегай в лавку да купи чечевицы. А еще муки, только не бери первую попавшуюся: сперва проверь, нет ли там жучков! И еще купи два отреза ткани.

— Конечно, тетушка, — ответила я и подхватила ведро. — Что прикажете брать?

— Синюю шерсть, ты знаешь, какой оттенок я люблю, и тафту, посмотришь, какие есть расцветки, выберешь немаркий, — решила она.

— А деньги?

— Неужто ничего не осталось в горшке? — всполошилась тетушка и запустила внутрь пухлую ручку. — Три медяка! А ведь еще вчера...

— Вчера вы приказали купить окорок и копченые колбаски у господина Гродни, а еще новую книгу для Агаты, — напомнила я и добавила: — Я торговалась, но на книгу не хватило.

— Ну так сказала бы, чтоб записали в долг! — сказала тетушка.

— Лавочники отказываются давать в долг, — ответила я не без злорадства, — до тех пор, пока вы не заплатите по счетам.

— Это невыносимо! — простонала она. — Все, поди прочь... Мне нужно подумать.

Я прекрасно знала, о чем она будет думать: у кого бы занять еще денег, чтобы раздать предыдущие долги. Надеюсь, ее талантов хватит еще хотя бы года на два, иначе дом пойдет с молотка, а нам придется идти побираться. Вернее, им с кузиной придется, я-то могу наняться хотя бы прачкой или судомойкой... Вот только пока я не достигну совершеннолетия, тетушка — официальный мой опекун — имеет право забирать хоть весь мой заработок. Ну а когда срок опеки истечет, я в лучшем случае получу свой заложенный и перезаложенный дом, который придется срочно продать, чтобы рассчитаться с кредиторами, и... Собственно, все.

Тетушка не родная мне — это вдова кузена моего покойного отца. Он, узнав о своей болезни, поторопился подыскать кого-нибудь из родни, кто смог бы взять меня на попечение после его кончины. Увы, близких родственников у нас почти не осталось. Прочие либо не могли или не желали брать на себя ответственность, и единственной, кто согласилась, была тетушка Эмилия. Поначалу я даже порадовалась: матушку я помнила очень плохо, братьев и сестер у меня не было, а у тетушки имелась дочь. Правда, она оказалась моложе меня на три года, но я полагала, что это несущественно, и надеялась подружиться с нею.

Увы, я ошибалась. К моменту переезда в наш скромный дом Агата казалась сущим ребенком, она привезла с собою даже своих кукол и живо завладела моими. Я давно с ними не играла, оставила на память, но все же было немного жаль расставаться с верными подругами. Впрочем, ссориться из-за такого пустяка не стоило, и я промолчала. Одну только игрушку приберегла: это была Фея Ночи, папа купил ее на мой десятый день рождения, а платя для куклы сшила мама. Эту я спрятала подальше.

Тетушка твердой рукой взялась за хозяйство и живо изгнала двух служанок, а потом и приходящую кухарку. С уборкой тоже предстояло справляться самим. Приходящую горничную, сказала она, мы не можем себе позволить, хотя соседка предлагала прибираться за сущие гроши. На лекарства для отца уходило много средств, и, как ни пыталась тетушка экономить решительно на всем, деньги утекали как вода...

«Ты же знаешь, что она уморила твоего отца голодом», — сказал безжалостный внутренний голос.

Я молча согласилась. Он мог есть, понемногу, но мог. Я могла бы кормить его по часам, но кто бы тогда делал работу по дому? И что такое жидкий бульончик, якобы предписанный доктором? На этом никто долго не протянет! Я ходила бы к нему по ночам, но как было приготовить хоть что-то, если продукты тетушка выдавала лично? Я отдавала свою еду, но отец отказывался, явно понимая, откуда взялась лишняя порция каши.

На смертном одре отец походил на обтянутый кожей скелет.

«Ты знаешь, что доктор сказал неправду», — добавил внутренний голос.

Я знала. Не представляю, сколько заплатила ему тетушка, но он прописал отцу какое-то снадобье, от которого тот подолгу спал, и чем больше слабел, тем тяжелее становилось разбудить его и накормить. Я узнала об этом, разговорившись с помощником аптекаря, когда пришла с рецептом: парнишка удивился такой дозе препарата. Я бы вылила эти микстуры или хотя бы разбавила вдвое, но тетушка держала их под замком и сама отсчитывала капли в стаканчик, не доверяя неразумной девушке...

Так прошел год. Мне было всего шестнадцать, когда умер отец. Немного позже внутренний голос объ-

яснил мне, что произошло на самом деле — времени на раздумья у меня было предостаточно: чем еще заняться, когда моешь посуду, драишь полы, готовишь или стираешь? На книги у меня теперь не было времени — ведь приходящую кухарку рассчитали, стряпней теперь занималась тоже я. Зато для Агаты пригласили наставницу: тетушка не сочла возможным отдать дочь в школу, где та могла оказаться рядом с неумытой простолудинкой.

Я молчала.

Молчала, когда из моей спальни сделали классную комнату для Агаты, а меня отправили в комнату для прислуги. Молчала, когда пришлось взвалить на себя всю работу по дому. Не отвечала, когда тетушка отчитывала меня за непомерные траты, только показывала ей же составленный список, где отмечала, во что обошелся этот товар.

Только вот тетушка не догадывалась, что вместо колбасок от господина Гродни я приношу колбаски с фермы своей старой няньки, которая продает их куда дешевле, да и окорок лучше купить у ее соседа. Разницу я забирала себе, считая, что имею на это полное право, раз уж тетушка живет в моем доме и использует меня вместо прислуги.

Разумеется, когда тетушка громко хвалила изделия господина Гродни, тот таял и даже не вспоминал, что Маргрит давненько уже не посещала его лавку, а если и заходила, то только прицениться...

Колодезный ворот надсадно скрипел, покуда я опускала ведро в колодец и доставала воду.

Помнится, я хотела сбежать, но вовремя передумала. Бежать было некуда. Близкой родни нет, до дальней так просто не доберешься, пусть и удалось ско-

пить немного денег, да и вряд ли мне там обрадуются. Единственный выход — найти мужа. Вот только пока я несовершеннолетняя, тетушка не даст согласия на мой брак и приданого тоже не даст, а меня и с приданным не всякий возьмет.

Во мне всего чересчур, как и в тетушке Эмилии. Но если та была чрезмерно полна, слишком громко смеялась, много говорила, очень ярко одевалась, любила общество, то я... Слишком высокая, слишком худая, слишком мрачная, нелюдимая и молчаливая, слишком смуглая и некрасивая, а про одежду нечего и говорить: я несколько лет донашивала свои платья, пока соседки не намекнули тетушке, мол, неприлично девушке носить настолько короткую юбку, уже не только щиколотки, а и лодыжки видно! Тогда она от щедрот подарила мне два траурных наряда со своего плеча — траур она носила по мужу и моему отцу. Потом, правда, спохватилась и потребовала вернуть, но было поздно: я уже ушила платья по себе и надставила подолы — тетушка была почти на голову ниже меня. С тех пор обновок я не видала. Ну да с моей жизнью не растолстеешь, а расти — я уже не расту.

— Эй, девушка! — окликнул кто-то, и я услышала стук подков. — Поддай-ка напиток!

— Вон колодец, сударь, вон ведро, — кивнула я, отставляя свое. — Достаньте воды да пейте сколько влезет.

— А что это ты такая неласковая, девушка? — спросил он, соскочив с коня. Конь был хорош — серый в яблоках красавец с длинной гривой, а уж сбруя какая! Да и сам проезжий оказался недурен собой и одет весьма пышно. И свита при нем имелась, стало быть, не простой горожанин.

— Показать почему, сударь? — спросила я.

— А покажи! — подбоченился он.

— Держите, — просто сказала я и сунула ему в руки ведро с водой. Должно быть, он не ожидал такого, потому что едва не уронил его. Расплескал так уж точно.

— Однако... — сказал он, глядя на мокрые перчатки. — И ты носишь такую тяжесть каждый день?

— Несколько раз на дню, сударь. Постирать можно и в реке, скотину напоить тоже, но сам пить не станешь, а дождевой воды надолго не хватает.

— Вот как... А можно мне попробовать? — спросил вдруг он. — Все едино перчатки испорчены!

— Пожалуйста, сударь, — кивнула я на колодец. — Извольте зачерпнуть.

— А... как?

В свите слышались смешки, но жест одного из телохранителей — я решила так, потому что он и еще трое постоянно глядели по сторонам, — заставил челядь умолкнуть.

— Вот ведро, вот колодец, — повторила я. — Приступайте, сударь.

Он все же взял ведро, оглянулся на меня, на своих спутников и осторожно отпустил его. Ведро повисло на веревке.

— Ворот отпустите, — подсказала я. — Да осторожней, сударь!

Раскрутившийся ворот чуть не выбил ему зубы. Глубоко внизу слышался плеск.

— Ну а теперь беритесь за веревку, зачерпните воды да поднимайте ведро. Заодно и мне второе нальете, — сказала я.

Молодой человек взялся за ворот — силы ему было не занимать, — только поднял от силы полведра, черпать-то не умел. Правда, забава ему понравив-

лась, поэтому он добыл еще воды, долил мои ведра до краев и наконец напился сам.

— Красавица, а тебе помощь не нужна? — спросил он еще одну девушку, подошедшую с другой улицы.

— Спасибо, сударь, я справлюсь сама, — улыбнулась та.

— Ну что ты, мне ведь нетрудно...

Я же подхватила свои ведра и отправилась домой.

Я знала эту девушку, и если бы мы не были настолько непохожи, решила бы, будто мы сестры-близнецы. Обе лишились матерей в раннем детстве, у обеих были любящие отцы, умершие совсем недавно, и оба они привели в дом чужих женщин, полагая, что так будет лучше. Правда, меня дома поджидали лишь тетушка с кузиной, а ее — мачеха с двумя сводными сестрами.

Ее отец был купцом не из бедных, но, увы, умер в странствии, оставив супруге не такой уж малый капитал. Мой — всего лишь ювелиром, который тоже кое-что мне завещал. Я не бежала из дома до совершеннолетия еще и по этой причине: лишь мне было известно, где отец спрятал матушкины драгоценности и многое другое. Однако появившись я с этим богатством в нынешнем положении, не миновать мне неприятностей. Да еще и тетушка заявит, что я ее ограбила! Нет уж, я терпела три года, выдержу еще немного... Денег от продажи того сундучка хватит, чтобы расплатиться с долгами и жить безбедно. Ну а тетушку с племянницей я, возможно, оставлю прислугой...

Позади, возле колодца, та девушка смеялась вместе с дорогим одетым молодым вельможей — а в том, что это именно вельможа, я уже не сомневалась. Она была веселая, славная, только одного я не могла понять: отчего всегда такая чумазая? Ей бы хоть умыться

да причесать роскошные светлые волосы, и на застиранное серое платьишко никто и не взглянет! У меня не меньше работы по дому, но отец наказал мне выглядеть достойно, что бы ни случилось. Пусть платье старое, перелицованное, но чистое, фартук всегда выстиран... Тетушка ведь не станет проверять, что именно я понесла в бельевой корзине к реке! Высушить одежду можно и на чердаке, а уж когда я глажу, никто и близко не сунется! Чулки заштопаны, но тоже чисты — спасибо, у меня маленькая нога, и Агатины старые чулки мне прекрасно подходят, не то пришлось бы надевать ботинки на босу ногу. Руки, конечно, не те, что пристало бы иметь девушке из хорошей семьи, но с этим я ничего поделаться не могу. Зато осанка — королеве впору. Потаскай коромысло с мое — тоже такой обзаведешься.

Ну а Элла — она бесспорно красива, вот только за собой не следит...

— Боже мой, ну сколько тебя можно ждать? — встретила меня тетушка. — Деньги в горшке. Купи что я велела, да пошевеливайся! И... книгу не надо.

— Мама! — вскрикнула Агата.

— Или книга, или платье, — отрезала мать. — Выбери.

— Платье, мама, — вздохнула кузина.

— Я так и думала... Маргрит! Сбегаешь в лавку, приберись и приготовь что-нибудь на завтра. Потом можешь отдохнуть: ужинать мы будем у господина Шилле, он пригласил нас на именины.

— Будут танцы! — добавила Агата.

— Вот-вот... Кстати, прежде чем идти в лавку, взгляди нам выходные платья... А прибирайся как следует, завтра господин Шилле с сыновьями придут с ответным визитом!

Я пожалала плечами и взялась за работу. Надо ли говорить, что уборка затянулась до позднего вечера? Дом не так уж мал, и пусть половина комнат закрыта, там тоже нужно было протереть пыль, проветрить и взбить постели: вдруг гости решат остаться на ночь?

Накормив кур, полив огород — многие устраивали такие на задних лужайках, уж лук с чесноком, пряные травы, морковь с капустой и пару тыкв там вырастить было можно, — приготовив ужин и перекусив остатками обеда тетюшки и кузины, я села на ступеньку заднего крыльца и смогла наконец расслабиться.

— Девочка, подай на пропитание... — проскрипел старческий голос.

У калитки стояла сгорбленная нищенка.

— Я бы рада, да у меня денег нет. Вот, осталась только сухая горбушка на завтрак, — ответила я. — Могу еще яблочко нарвать.

— А не отсюда ли... — она потянула носом, — так славно пахнет печеным окороком?

— Это хозяйский, — ответила я. — И не проси меня отрезать хоть кусочек, бабуля, не то мне голову оторвут.

— Своя рубашка ближе к телу? — хихикнула она.

— Несомненно. Впрочем... — задумалась я, — погоди-ка, бабуля. Входи да присядь пока.

Я знала, в каких кустах спрячутся беглые куры, и пару яиц найти смогла.

— Могу еще молока плеснуть, бабуля, но немного, заметят недостачу, — сказала я, вручив ей добычу.

— Нет, от молока мне делается дурно, обойдусь водицей, — хмыкнула она.

Яйца она выпила сырыми, я тоже иногда так делала, когда донимал голод.

— Вот спасибо, девочка... Хлебушком не поделишься?

— Вам его не угрызть, — сказала я, постучав горбушкой по ступеньке.

— Ничего, водичкой размочу, — хихикнула старуха. — С яблоком-то так не выйдет!

Я подумала и разломилла хлеб пополам.

— Ею и целой не наешься, — сказала я, — а так хоть какая-то видимость справедливости.

— Неужто ты веришь в справедливость, девочка? — прищурилась старуха. Странно, но от нее совершенно не пахло. Вообще ничем, даже тем, чем обычно воняет от бродяг.

— Не верю, — ответила я. — Но я ее добьюсь.

— Хочешь, помогу тебе?

— Не нужно, — сказала я. — Пройдет еще полтора года, и вот тогда...

— Тогда ты поймешь, как опрометчиво отказалась от помощи, — завершила нищенка. — Сперва тебя одолеют кредиторы, потом ты продашь дом, выплатишь долги и останешься ни с чем, а бесприданниц твоего возраста и так пруд пруди. Пойдешь в горничные? В кухарки?

— И кто же вас подослал? — спросила я с интересом. — Кто-то из бывших коллег покойного отца? Или знакомые тетюшки Эмилии? Передайте: они могут не беспокоиться о моем будущем. В крайнем случае я всегда могу уйти в монастырь послушницей, благо работать на огороде, шить, готовить и ухаживать за больными я умею, грамоту знаю, ну а молиться как следует меня научат.

Нищенка вдруг расхохоталась — неожиданно звонко для такой старухи.

— Ну вот ты и нашлась, — сказала она совсем другим тоном. — Красивое имя — Маргрит. Мне нравит-

ся, да и тебе подходит. А еще, девочка, мне кажется, ты достойна лучшей участи...

— Скажите еще, что вы — моя фея-крестная, — улыбнулась я, даже не спросив, откуда ей известно мое имя, — и явились восстановить справедливость и вернуть мне то, что у меня отняли!

— Крестной я быть никак не могу, — ответила старуха из-под капюшона. — А фея у тебя уже есть, не так ли?

Я вспомнила свою куклу и невольно кивнула.

— Береги ее, как берегла до сих пор. И никогда не бросай!

Нищенка откинула капюшон, и я невольно отшатнулась.

Вместо сморщенной старухи на меня смотрела поразительной красоты женщина средних лет, только вот красота эта одновременно завораживала и пугала.

Это была Фея Ночи.

— Раз уж вы тут, — сказала я, взяв себя в руки, — а хозяев нет, думаю, можно свернуть шею цыпленку и свалить это на соседского кота. Не желаете отведать свежей курятины?

— Да нет, пожалуй, не стоит... — протянула она, поднявшись на ноги. Я встала — и оказалась на голову ниже. — Не рискуй зазря.

— А разве это было бы зря?

— Вижу, девочка, ты удалась не в отца, — улыбнулась она. — Он никогда не видел выгоды у себя под носом...

— Зачем я вам? — спросила я прямо.

— Иди сюда... — Фея поманила меня обратно на ступеньку крыльца и села, окутав нас обоих облаком черного тумана, мягкого, как шелк, с просверками звезд где-то там, вдалеке. — Я не крестная тебе, Мар-